

Телепат

Автор:

Алексей Хапров

Телепат

Алексей Викторович Хапров

Кому из нас не хочется обладать какими-нибудь удивительными, сверхъестественными способностями. Нам кажется, имей мы их – и весь мир будет лежать у наших ног. Именно так думал и главный герой этого романа, обретя после тяжёлой травмы способность читать чужие мысли. Но превратится ли он после этого в вершителя чужих судеб? Или станет всего лишь пешкой в чьей-то коварной игре?

Алексей Хапров

Телепат

Все изложенные ниже события, равно как и действующие в них лица, являются вымышленными.

Всякое совпадение с реальными событиями и лицами – случайно и непреднамеренно.

Высокий, грузный, черноволосый мужчина с усами, напоминающими по своей форме усы тюленя, с хитроватыми, коварными глазами, отложил в сторону газету, которую только что закончил просматривать, взял в руки черную, потрепанную толстую тетрадь, исписанную мелким, немного корявым, но все же достаточно разборчивым почерком, полистал, и снова положил на стол. Включив настольную лампу, он поднялся с кресла, подошел к стене, погасил верхний

свет, затем приблизился к камину, и подбросил в него немного дров. Вернувшись за стол, он снова взял в руки тетрадь, открыл ее на первой странице, и принялся читать.

«Приняв решение завести этот дневник, я преследую лишь одну-единственную цель – получить возможность с кем-то открыто и искренне общаться. Увы, моя жизнь в настоящий момент складывается так, что эта тетрадь – мой единственный собеседник, которому я могу доверить свои тайны и переживания. Все то, что я буду писать, не предназначено для чужих глаз. Я буду это делать исключительно для себя. Но если вдруг мой дневник каким-то образом станет предметом чьего-либо внимания, не торопитесь выражать свое недоумение. Я понимаю, что человек, ведущий столь одностороннее, безответное общение, может показаться по меньшей мере странным. Но к этой странности меня вынуждают обстоятельства, которых я никому не желаю. То, с чем я столкнулся, то, что мне пришлось пережить – далеко от заурядности и банальности. Кто-то, возможно, и не поверит в правдивость моей истории, сочтя ее лишь буйной фантазией автора. Не верьте на здоровье. Я бы, наверное, тоже не поверил, случись мне все это просто прочесть, а не пережить. Я не стану никому ничего доказывать. Не вижу смысла. В моей судьбе это уже все равно ничего не изменит. Но даже если бы я и хотел кому-то что-то доказать, мне было бы очень трудно это сделать. Есть сферы, которые в силу своей специфики закрыты от посторонних глаз. То, что происходит внутри них, по причине своей закрытости, вполне естественно может показаться нереальным для тех, кто в эти сферы не вхож. Так что, верить, или не верить – это личное дело каждого. Я не собираюсь никого и ничего изобличать. Мне требуется лишь одно – высказаться, чтобы этим хоть как-то облегчить свою душу, ибо держать в себе все то, что в ней накопилось по сей момент, стало просто нестерпимо. С этим я и начинаю свои записи».

Часть первая

Было время, когда я искренне завидовал людям, которых природа наделила какими-нибудь уникальными способностями, выделяющими их из общей массы. Таких людей в обиходе называют экстрасенсами. Завидовал, наверное, как и всякий простой человек, напроць лишенный какого-либо таланта. То, что нам недоступно, всегда является предметом вожделения. Как же, экстрасенс! Как далек он от нас, заурядных обывателей. Жизнь экстрасенса представлялась мне раньше сплошным праздником. Он не чувствует себя мелким винтиком в большом механизме. Он способен этим механизмом управлять. Он знает себе цену, ибо не может не ощущать своего превосходства над другими людьми. Я тогда и подумать не мог, что экстрасенс может быть глубоко несчастным человеком, и отчаянно, беспомощно завидовать жизни простых людей. Я тогда очень плохо представлял себе, что такое Система. Столкнувшись с ней, и позволив ей втянуть меня в себя, я в полной мере ощутил, как она способна сделать человека несчастным. Как она может сломать любого, даже экстрасенса.

Я очень хорошо помню тот день, который изменил всю мою жизнь. Это был обычный будний день моего серого и убогого существования. Я уже четко осознавал, что жизнь у меня не задалась, и, как это было ни тяжело, даже свыкся с этим фактом. Мне стукнуло уже почти сорок лет, а похвастаться было нечем. Я видел, в основном, только две вещи. Днем – свой рабочий стол, а вечером и по выходным – телевизор. Даже ежегодный отпуск не вносил в мою жизнь особого разнообразия. Поехать куда-нибудь на море, на курорт, я не мог. На это элементарно не было денег. Я был обычной мелкой сошкой в планово-экономическом отделе небольшого опытно-механического завода, куда попал сразу же после окончания института. Зарплата у меня была небольшая, да и та выплачивалась нерегулярно, ибо наш завод едва сводил концы с концами. Так что все курорты посещались мной, не выходя из дома, посредством программ телепутешествий.

Недостаток жизненных средств наложил свой отпечаток и на мое семейное положение. Единственным членом моей семьи был пушистый, черный, и прожорливый кот по кличке Маркиз. Женой, увы, даже и не пахло. Все мои романы заканчивались довольно быстро. Я совершенно не умел знакомиться с понравившимися мне девушками. Стоило какой-либо из них оказаться передо мной, как я буквально впадал в панику. Меня охватывала страшная растерянность, я начинал чувствовать себя абсолютным идиотом, и, как следствие, замыкался в себе, вместо того, чтобы непринужденно беседовать и шутить, что полагается делать в таких случаях. Надеяться, что попавшая в мое поле зрения представительница прекрасного пола возьмет инициативу в

общении на себя, не приходилось. Потенциальных невест я не привлекал. Ни тех, кто стремился к браку по расчету, ни тех, кто хотел замуж по любви, ибо я не располагал ни к тому, ни к другому. У меня не было ни положения, ни денег, ни внешности. Я был непривлекателен, и влюбиться в меня было трудно. Во всяком случае, на трезвую голову. На меня клевали только возрастные дамы из нашего заводского общежития, которым грозило навечно остаться в старых девах, и без нормального жилья. Их, конечно, в первую очередь интересовала моя жилплощадь. Но такой вариант не устраивал уже меня. Лучше уж оставаться холостяком, чем заключать заведомо несчастливый брак.

Итак, в тот весенний апрельский день я, как обычно, приехал к восьми часам на завод, предварительно пройдя получасовой ободряющий массаж в переполненном пассажирами автобусе, прошел через проходную, и, после череды подъемов и поворотов в здании управления завода, оказался в родном планово-экономическом отделе.

Родной планово-экономический отдел встретил меня пустой двухлитровой баклажкой из-под «Кока-колы», которую мне решительно протянула наша старейшая сотрудница Клавдия Трофимовна. Это была шестидесятилетняя дама с хищными глазами, острым маленьким носом, и довольно неприятным резким голосом.

– Илья Сергеевич, Ваша очередь идти за водой.

Илья Сергеевич – это я. К слову, фамилия моя Воробьев.

Повесив на вешалку свою джинсовую куртку, и положив в холодильник захваченные из дома в качестве обеда, и завернутые в полиэтиленовый пакет бутерброды, я покорно взял баклажку, вышел из отдела, и направился в умывальник, располагавшийся в конце коридора, по пути почтительно раскланявшись с нашей заведующей Татьяной Петровной, женщиной невысокого роста с прической под каре.

– Не успел день начаться – уже пить чай, – проворчала Татьяна Петровна.

Я вежливо улыбнулся и продолжил свой путь. Подобные замечания Татьяны Петровны на наши утренние походы за водой были обыденным явлением, и на них серьезного внимания уже давно никто не обращал.

Вернувшись, я вылил содержимое баклажки в стоявший на подоконнике электрический чайник, помнивший еще времена царя Гороха, сел за стол, вытащил из ящика бумагу, калькулятор, и принялся за работу. В тот день мне предстояло рассчитать стоимость вала, заявка на изготовление партии которого накануне, ко всеобщей радости, поступила к нам со станкозавода. Ко всеобщей радости потому, что давала надежду на получение зарплаты за март.

– Через две недели майские праздники, – вздохнула Ирочка, наша самая молодая сотрудница, с ярко выраженным кокетством и стремлением к частому разнообразию в нарядах, подкрашивая губы у висевшего на стене зеркала. – Хоть бы что-нибудь дали.

– Да, праздники без денег – и не праздники, – согласилась Клавдия Трофимовна.

Я ничего не сказал. Я сидел и молча занимался расчетами. К чему эти пустые разговоры? Они зарплату не ускорят. Зачем тогда зря душу беречь? К тому же, с некоторых пор, я старался не открывать рот лишней раз в присутствии любимых сотрудниц. Клавдия Трофимовна и Ирочка были женщинами, а женщины, как известно, любят посплетничать. Им, порой, раз плюнуть отыскать в человеке какие-нибудь недостатки, которых у него отродясь не бывало. Мне уже доводилось попадать в ситуации, когда мои не очень осторожные высказывания перевирались, перекручивались, приукрашивались, и в извращенном виде доводились до сведения руководства. Особенно поусердствовала в этом Клавдия Трофимовна. Это был ее излюбленный способ защищать свое место от возможных посягательств. Сделать потенциального конкурента в глазах руководства дураком – что может быть эффективней? Способ срабатывал. Я до сих пор сидел в должности рядового инженера, а она, несмотря на свой преклонный возраст, – главного специалиста. Разница в наших обязанностях заключалась в том, что я работал, она проверяла, а наша начальница Татьяна Петровна, сидевшая отдельно от нас в соседней каморке, именуемой кабинетом, торжественно относилась бумажку со сделанными мной и проверенными Клавдией Трофимовной расчетами на второй этаж, где обитала вся элита нашего завода. Что касается Ирочки, то ей серьезную работу никогда не поручали. И потому, что она ничего не умела. И потому, что она являлась дальней родственницей какого-то городского чиновника, ввиду чего входила в «касту неприкасаемых».

Я продолжал производить расчеты, а Ирочка с Клавдией Трофимовной, завершив макияжные процедуры, занялись поглощением женских романов. Надо же им было что-то делать на работе. При этом книги располагались у них на коленях под столом. На столе же лежали только деловые бумаги. Это на тот случай, чтобы создать видимость занятости, если в отдел вдруг забежит Татьяна Петровна.

Дверь открылась. Ирочка с Клавдией Трофимовной, как по команде, перенесли взгляды с женских романов на чертежи, но тревога оказалась ложной. Это была не наша начальница. Это нас почтил своим визитом Валерий Семенович Наливайко, начальник третьего цеха. К слову, его фамилия с поразительной точностью соответствовала его жизненным интересам. Любезно поздоровавшись с дамами, Валерий Семенович кивнул мне головой, предлагая выйти в коридор. Я с неохотой поднялся с места. Я догадывался, зачем я понадобился начальнику третьего цеха. Валерий Семенович был субъект довольно ушлый. Если принять во внимание, что изготавливать валы для станкозавода предстояло именно третьему цеху, а их стоимость зависела от меня, то можно было безошибочно определить, что его интерес к моей скромной персоне был неслучаен.

Валерий Семенович был в коридоре не один. С ним стоял еще какой-то гражданин цыганской национальности, который улыбался мне ослепительной златозубой улыбкой. Он и Валерий Семенович почтительно пожали мне руку, укрепив мои подозрения, что им от меня что-то нужно, и, скорее всего, не очень законное. Задав дежурные вопросы про здоровье-настроение, Валерий Семенович перешел непосредственно к делу.

– Заработать хочешь? – прямо спросил меня он.

Я вздохнул, понимая, в каком русле последует продолжение.

– Значит, смотри, – произнес Валерий Семенович, предусмотрительно понизив голос. – Есть возможность пропустить эти валы через Степана.

Он кивнул на цыгана, лицо которого снова озарилось ослепительной улыбкой.

– Все очень просто. Ты сейчас делаешь расчет по максимуму, и рисуешь станкозаводу самые высокие цифры, какие только сможешь. Затем ты получаешь запрос на эти валы от Степана, и делаешь расчет с минимальной

трудоемкостью. Степан выходит на станкозавод, рисует им цену, чуть меньшую, чем твоя максимальная цена, и мы продаем им валы через Степана. Разница в ценах – это наша прибыль, двадцать пять процентов которой – твои. Идет?

– Не идет, – твердо ответил я.

– То-есть, как не идет? – изумился Валерий Семенович.

– А вот так и не идет, – повторил я. – Я сделаю расчет строго по нормативам, без всяких занижений и завышений. А вы, если хотите, договаривайтесь с моей начальницей. Я химичить не буду.

Ослепительная улыбка с лица Степана мигом исчезла, и его лицо приняло естественное выражение, которое наводило на мысль об уголовном кодексе.

– Ой, дурак! – картинно схватился за голову Валерий Семенович. – Тебе, что, деньги не нужны?

– Деньги мне нужны, – пояснил я. – Мне не нужны проблемы.

С этими словами я зашел обратно в отдел и закрыл дверь.

Не будь у меня такой сотрудницы, как Клавдия Трофимовна, я, может быть, и согласился бы на эту аферу. Зарплаты на нашем заводе были небольшими, поэтому у нас химичили многие. Но у них не было Клавдии Трофимовны. А у меня была. Договориться с Клавдией Трофимовной было нереально. Она помимо зарплаты получала еще пенсию, и жила припеваючи. Ей нужно было только одно – чтобы ее как можно дольше держали на заводе. Поэтому она всячески старалась доказать свою полезность и незаменимость. Разоблачение заговора мошенников на ниве завышения-занижения себестоимости продукции было бы для нее сущим подарком. Но этот подарок я дарить ей не хотел.

– Что ему было нужно? – поинтересовалась Клавдия Трофимовна, подозрительно глядя на меня.

– Да так, деньги нужны. Ищет, где бы взять, – ответил я, и по сути это была чистая правда. Я снова углубился в расчеты, а Клавдия Трофимовна, еще раз

просверлив меня своим колючим взглядом, вернулась в страдания женского романа. Я не сомневался, что мои расчеты по этому валу она теперь будет проверять с удвоенным рвением. Что ж, пусть проверяет.

После обеда к нам зашла Эльвира Степановна, энергичная, бойкая женщина с забавным лицом. Забавность ее лицу придавали, в основном, большие выразительные глаза и высоко посаженные брови. Глядя на Эльвиру Степановну, создавалось такое впечатление, что она вечно чем-то удивлена. Эльвира Степановна работала в бухгалтерии и была подругой Клавдии Трофимовны.

- Вы этого придурка видели? - выпалила она прямо с порога.

- Какого именно? - уточняюще спросила Клавдия Трофимовна, ибо, по ее мнению, на заводе было много придурков, в число которых, несомненно, входил и я.

- Датчанина, - ответила Эльвира Степановна, закрыла за собой дверь, уселась на стул, после чего добавила, - из Дании.

Можно было подумать, что датчане бывают откуда-нибудь еще, например, из Папуа-Новой Гвинеи.

- Нет, - ответила Клавдия Трофимовна. - А откуда он взялся?

- Вот я и говорю, откуда он взялся, - рассмеялась Эльвира Степановна. - Наверно, из психушки. Вы представляете, приехал на наш завод, чтобы продать нам импортный пресс за несколько миллионов долларов!

И Эльвира Степановна рассказала нам увлекательную историю о похождениях торгового представителя из Дании по коридорам управления нашего завода.

Торговый представитель был очень галантен, приветлив, вежлив, обаятелен, улыбчив, из чего можно было совершенно безошибочно заключить, что явился он к нам не для того, чтобы что-то у нас купить, а для того, чтобы что-то нам продать. Этим «что-то» был пресс усилием 800 тонн. Те, кто работал на заводах,

наверняка знают, что представляет из себя пресс усилием 800 тонн. Для тех, кто на заводах никогда не работал, поясню. В общем, если под этот пресс, размером с трехэтажный дом, поставить любимого начальника, а затем нажать на красную кнопку, то от любимого начальника останутся приятные воспоминания.

Поскольку иностранцы на нашем предприятии были гостями более, чем редкими, наш Генеральный директор Петр Филиппович решил провести встречу с «инопланетянином», приняв беспрецедентные меры безопасности: трезвым, и без мата.

Разложив на столе рекламные проспекты, датчанин заявил Генеральному директору, что считает наш завод одним из лучших в мире. Это есть такой известный торговый прием: хочешь что-нибудь продать клиенту – похвали его. Наш Генеральный директор, конечно, обалдел от такого признания, и даже растерялся. Ну, не мог же он сказать этому капиталисту, что у «одного из лучших заводов в мире» нет денег не то, чтобы на пресс, а даже на зарплату рабочим. Но наш директор – калач тертый. Он быстро нашелся. Он сделал важный вид и заявил, что, безусловно, высоко оценивает все преимущества прессы усилием 800 тонн. Что именно пресса усилием 800 тонн так не хватает нашему заводу для производства кухонных кастрюль, ставших основным видом его деятельности после конверсии. И что именно пресс усилием 800 тонн позволит нашему заводу сделать свои кастрюли самыми раскастрюлистыми кастрюлями в мире. Так что вопрос о приобретении прессы он обязательно рассмотрит. Но только после того, как даст «добро» главный технолог.

Датчанин, который не имел ни малейшего понятия о процветающем на нашем заводе «футболе», радостно бросился к главному технолог. Он битый час расхваливал пресс, прыгал вокруг главного технолога, словно молодой кенгуру, показывал таблицы, схемы, графики. Главный технолог внимательно слушал, кивал головой, даже задавал вопросы. А когда совершенно обессиленный датчанин замолк и уставился на него глазами, полными надежды, спокойно сказал, что уважаемый господин обратился не по адресу, и что подбором оборудования на заводе занимается главный механик.

Бедный датчанин пошел к главному механику, и снова битый час расхваливал свой пресс, прыгая вокруг главного механика, словно кенгуру, но только теперь уже не молодой, а весьма почтенного возраста, показывал таблицы, схемы, графики. Главный механик внимательно слушал, кивал головой, даже задавал вопросы. А когда совершенно охрипший датчанин замолк и уставился на него

глазами, полными мольбы, спокойно сказал, что уважаемый господин обратился не по адресу, и что по вопросу оборудования лучше всего обратиться к главному инженеру.

Обомлевший датчанин едва не потерял сознание. Он пошел к главному инженеру, и из последних сил битый час снова расхваливал свой пресс, прыгал вокруг главного инженера, словно кенгуру-инвалид, показывал таблицы, схемы, графики. Главному инженеру, как и главному механику, а также главному технологу, тоже было нечего делать. Поэтому он внимательно слушал, кивал головой, даже задавал вопросы. А когда полумертвый датчанин замолк и уставился на него глазами, которые уже абсолютно ничего не выражали, спокойно сказал, что уважаемый господин обратился не по адресу, и что ему следует пройти к главному технологу.

Несчастный датчанин опять побрел к главному технологу. Тот снова послал его к главному механику. Главный механик опять послал его к главному инженеру, затем снял телефонную трубку и «послал» главного технолога. Главный инженер послал датчанина обратно к главному технологу, снял телефонную трубку, «послал» главного механика, затем пошел к главному технологу, и тоже его «послал». Затем они вместе с главным технологом «послали» главного механика, после чего втроем пошли к Генеральному директору, «послали» друг друга в его присутствии, и наконец сообща решили, что подбором оборудования на заводе должен заниматься начальник отдела снабжения, который накануне ушел в отпуск...

Клавдия Трофимовна и Ирочка смеялись над рассказом Эльвиры Степановны до слез. У них даже потекла косметика. Что касается меня, то я не смеялся. Мне было жаль бедного датчанина, который думал, что приехал в нормальную страну, зашел на нормальный завод, и который, наверное, теперь понял, как он ошибся, и почему в нашу экономику так плохо поступают иностранные инвестиции. К тому же у меня в расчетах возникла проблема чисто инженерного характера, и я с ужасом почувствовал, что без консультации Валерия Семеновича мне не обойтись. Предвкушая, какой «теплый» прием ждет меня с его стороны, я взял чертеж, вышел из отдела, и пошел в третий цех.

Мой путь лежал через девятый цех. Именно девятому цеху я оказался обязан своим перерождением. Там на меня упала кран-балка. Ну, не совсем, конечно, на меня. Случись это так, от меня точно осталась бы лепешка. Точнее будет

сказать, что кран-балка упала рядом со мной. Но какой-то своей частью она задела мою голову. В результате я оказался без сознания. Помню только, что сначала сверху раздался какой-то грохот, затем я ощутил сильный удар по голове, в моих глазах заплясали звездочки, потемнело, после чего наступила мертвая тишина...

2

Когда я очнулся, первым делом у меня возник вопрос, что со мной произошло, и где я нахожусь? Голова страшно гудела, во рту пересохло, а представшая перед моими глазами белая дверь с небольшим окошечком посередине, из которого пробивался тусклый электрический свет, как-то не особо вязалась с той картиной, которая запечатлелась в моей памяти перед тем, как я потерял сознание: заводской цех и испуганные глаза рабочих, смотревших куда-то поверх меня.

Я пошевелился. Подо мной заскрипело. Я понял, что лежу на пружинной кровати. Я поднял руку и провел ею по лицу. Моя голова была обмотана бинтом. Я покрутил головой и посмотрел по сторонам. Выкрашенные синей масляной краской стены, узкие металлические кровати, неказистые тумбочки, а также своеобразный хлорный запах, присущий в основном медицинским учреждениям, не оставляли сомнений, что я нахожусь в больничной палате. Сзади меня слышалось какое-то движение.

– Что, очнулся, милый? – донесся до меня низкий женский голос с характерной хрипотцой, присущей обычно людям старшего возраста. – Ну и слава богу.

Я скосил глаза и увидел невысокую пожилую женщину лет шестидесяти, в серой шерстяной кофте и черной юбке. Частые и глубокие морщины на ее лице давали достаточно точное представление об ее возрасте – лет пятьдесят пять – шестьдесят. Она сидела на стуле возле соседней кровати и смотрела на меня.

– Пить, – попросил я, почувствовав невыносимую жажду.

– Сейчас, сейчас, касатик, – ласково сказала женщина, налила воду из стоявшего на тумбочке графина в стакан, и поднесла ко мне. Я приподнялся, взял стакан, и стал жадно пить.

– Ну, вот и хорошо, что очнулся, – улыбнулась женщина. – Будет теперь моему деду с кем поговорить.

Выпив воду, я отдал ей стакан, который она снова поставила на тумбочку, вытер губы и оглянулся. Позади меня, на соседней кровати, полулежал худощавый бородатый старик в полосатой больничной пижаме, и с интересом смотрел на меня.

– С возвращением на этот свет, – бодро воскликнул он.

– Здравствуйте, – ответил я.

То, что рассказали мне Мария Петровна и Степан Тимофеевич, – именно так звали моих новых знакомых, – заставило меня содрогнуться. Оказывается, я пролежал без сознания целых два дня, врачи поставили мне диагноз «сильное сотрясение мозга», и вывели неутешительный вердикт: жить будет, но может остаться дурачком. Последняя перспектива меня, конечно, обеспокоила, хотя в данный момент никакого помутнения рассудка я не ощущал.

– Пойду-ка, дежурного врача позову, – сказала Мария Петровна и вышла из палаты.

– Ну, как самочувствие? – поинтересовался Степан Тимофеевич.

– Нормально, – ответил я. – Только голова что-то очень гудит.

– Повезло тебе, – усмехнулся Степан Тимофеевич. – Еще бы чуть-чуть, и с Господом Богом бы общался. Есть хочешь?

После этого вопроса я ощутил, что жутко голоден. И это было неудивительно. Если я пролежал без сознания два дня, и мой желудок все это время оставался без работы, то его бурное недовольство было вполне естественным. Я утвердительно кивнул головой и спросил:

– А когда здесь обед?

– Обед уже прошел, – ответил Степан Тимофеевич. – Теперь только ужин. В семь часов он будет, через сорок минут. Хочешь, пока бутерброд с колбасой дам?

Как ни соблазнителен был для меня этот бутерброд, я отрицательно помотал головой. Неудобно как-то. Все-таки, чужие люди.

– Да чего ты стесняешься? – удивился Степан Тимофеевич. – Подумаешь, какой-то бутерброд! Держи, не стесняйся. Подкрепись.

Степан Тимофеевич поднялся и, прихрамывая, подошел ко мне. Бутерброд выглядел так аппетитно, а мой желудок так сильно возмущался своей пустотой, что я, скрепя сердце, все же взял предложенную мне еду, мысленно поклявшись, что обязательно каким-нибудь образом отблагодарю своего соседа по палате за его доброту. Когда я съел этот бутерброд, у меня появилось такое ощущение, что вкуснее него я ничего в жизни еще не ел. Тем временем дверь палаты открылась, и к нам, вместе с Марией Петровной, зашел усатый молодой человек с кавказскими чертами лица. Судя по белому халату и белой шапочке, это и был дежурный врач.

– О, он уже трапезничает! – весело воскликнул он, глядя на меня.

Я дожевал последний кусок бутерброда и поздоровался.

– Ну, как мы себя чувствуем? – спросил врач, наклонился ко мне, отогнул большими пальцами обеих рук мои веки, и внимательно стал рассматривать мои зрачки.

– Дмитрий Вахтангович как узнал, что Вы пришли в себя, тут же отложил все свои дела и бросился к Вам, – со значением произнесла Мария Петровна.

Я ответил Дмитрию Вахтанговичу, что чувствую себя нормально, но пожаловался на нудный гул в голове.

– Это пройдет, – ответил врач. – День-два, и все будет в норме. Резких болей в голове не ощущаете?

- Нет, - ответил я.

- А в спине?

- Нет.

- А ну-ка, встаньте с кровати и пройдитеесь.

Я поднялся и прошелся по палате взад-вперед. Прошелся, правда, несколько неуклюже. Из-за того, что я лежал без сознания два дня, мои ноги затекли, и не очень хорошо меня слушались.

- Прекрасно, - сказал врач. - А теперь встаньте прямо, закройте глаза, вытяните руку вперед и попробуйте дотронуться указательным пальцем до кончика своего носа.

Я закрыл глаза и выполнил просьбу Дмитрия Вахтанговича.

- Все нормально, - сказал он. - Позвоночник у Вас не задет, координация движений хорошая. Садитесь на кровать.

Я присел. Врач взял стул и сел напротив меня.

- Сейчас я буду задавать Вам вопросы, а Вы будете мне на них отвечать. Итак, как Вас зовут?

- Воробьев Илья Сергеевич, - ответил я.

- Сколько Вам лет?

- Тридцать семь.

- Где Вы живете?

Я назвал свой домашний адрес. После этого Дмитрий Вахтангович спросил, где и кем я работаю, как зовут моих сослуживцев, мой домашний телефон, в какой я

учился школе, какой окончил институт, помню ли я события того дня, когда со мной произошло несчастье. На все его вопросы я дал точные ответы. Врач облегченно вздохнул.

- Ну, слава богу. С памятью у Вас тоже все в порядке.

После этого Дмитрий Вахтангович стал ощупывать мою забинтованную голову.

- Здесь больно?

- Нет.

- А здесь?

- Нет.

- А вот здесь?

- Больновато, - признался я, отшатнувшись, ибо последнее прикосновение руки Дмитрия Вахтанговича в область темени действительно причинило мне некоторую боль.

- Это место ушиба, - успокоил меня доктор. - Заживет. Я думаю, долго Вам у нас лежать не придется. Подержим Вас здесь недельку, максимум полторы, после чего отпустим Вас на волю.

Он поднялся со стула и направился к выходу из палаты.

- Если вдруг почувствуете что-то не так, сразу обращайтесь, - бросил он, едва повернув голову, и закрыл за собой дверь.

- Ну, вот и славно, - обрадовалась Мария Петровна. - Все с Вами будет в порядке. У моего Степана Тимофеевича хуже было. Его машина сбила. Перелом берцовой кости. Уже третий месяц здесь лежит. Еще не скоро обещают выписать. А Вам всего неделю здесь куковать. Это ерунда.

Мы еще поговорили о том да сём, сходили на ужин в больничную столовую, Степан Тимофеевич проводил супругу, после чего мы легли спать.

Странности начались на следующий день. Когда я утром проснулся, я почувствовал, что гул в моей голове заметно ослаб. Это меня обрадовало. Похоже, я действительно быстро иду на поправку. Я поднялся, надел пижаму, взял полотенце, которое висело на спинке моей кровати, и отправился умываться. Но едва я вышел в коридор, который был наполнен больными, получавшими у стойки медсестры свои лекарства, как в моей голове снова как будто заработал трансформатор. Сквозь весьма неприятное жужжание прорывались какие-то звуки, напоминавшие треск и щелчки, как в радиоприемнике, который настраивают на определенную волну. Нет, они не были сильными, они не сводили меня с ума. Просто, все это было как-то странно и непривычно. Я в испуге остановился. Такого со мной еще никогда не случилось. Проходившая мимо санитарка внимательно посмотрела на меня.

- Вам плохо? - спросила она.

- Да нет, ничего страшного, - соврал я. - Голова просто немного закружилась, и только.

- Бывает, - заметила санитарка. - Может, Вам лучше пока посидеть?

Я присел на стоявшую у стены тахту. Санитарка еще раз окинула меня тревожным взглядом и пошла дальше по коридору. Гул в голове не умолкал. Треск тоже. Мимо меня проходили больные, медсестры, врачи. Я заметил, что когда кто-либо из них ко мне приближался, треск в моей голове усиливался, а когда отходил - треск ослабевал. Все это было странно и непонятно. Скоро будет утренний обход. Нужно обязательно все рассказать врачу. Может, у меня и правда что-то серьезное? Я еще немного посидел, затем поднялся и пошел в умывальник.

Умывшись, я вернулся в палату и снова лег на кровать. Едва я принял горизонтальное положение, как гул и треск в моей голове заметно стихли. Может, мне пока противопоказаны движения? Может, будет лучше, если я весь день проведу в палате?

На соседней кровати заворочался просыпающийся Степан Тимофеевич.

– Уже полдевятого? – произнес он сонным голосом. – Однако, пора подниматься. Через полчаса завтрак. А ты давно встал?

– Нет, – откликнулся я. – Минут двадцать назад.

Степан Тимофеевич надел пижаму, застелил постель, взял свое полотенце, и вышел из палаты. А я продолжал предаваться беспокойным размышлениям. Что со мной такое происходит? Что означают этот гул, и эти пощелкивания? Почему они то появляются, то исчезают? И от чего все это зависит? А вдруг у меня и правда «поехала крыша»? Так это, или нет, но со мной явно творилось что-то неладное, и это было очевидно. Я попытался себя успокоить, для чего раза три глубоко вдохнул и выдохнул. Есть такой известный способ борьбы с волнением. Но он не помог. Моя тревога не ослабла. Она была слишком сильной, чтобы ее можно было унять таким простым образом. Но у меня при этом появилась интересная мысль. Точнее, догадка, которую необходимо было проверить. Я поднялся с кровати и вышел в коридор. Гул и треск в моей голове усилились. Затем я вернулся в палату. Гул и треск стихли. Разница между коридором и палатой была только одна. В палате, кроме меня, больше никого не было, а в коридоре находились люди. Что же это такое получается? Неужели мой мозг, каким-то образом, стал улавливать чужие биотоки? Но это же невероятно! При всей кажущейся логичности такого объяснения, я не мог в него поверить.

Дверь открылась, и в палату вошел Степан Тимофеевич. В моей голове снова затрещало.

– Ну, что, пошли завтракать? – весело окликнул он меня. Я заставил себя улыбнуться и встал с кровати. Мы вышли из палаты и направились в столовую.

Завтрак только усилил мое волнение. Столовая была переполнена. В моей голове гудело и трещало, не переставая.

– Что с тобой? – с тревогой спросил Степан Тимофеевич, сидевший напротив меня. – На тебе лица нет. Тебе плохо?

– Голова что-то разболелась, – выдавил я.

Сидевшие рядом с нами за столом еще двое больных посмотрели на мои бинты, и сочувственно вздохнули.

– Сейчас, после завтрака, будет обход. Обязательно про это скажи, – напутствовал меня сосед по палате.

Доев манную кашу, бутерброд с маслом, и выпив какао, составлявшие завтрак, я вернулся в палату, и с облегчением почувствовал, что мучившие меня шумы снова исчезли. Сомнений не оставалось. Причиной всех этих потрескиваний действительно, каким-то образом, являлись другие люди.

Когда к нам в палату зашла врачебная бригада, я не стал ничего от них скрывать, и рассказал все как есть.

– Ну, это Вы, батенька, хватили! – улыбнулся уже знакомый мне Дмитрий Вахтангович. – Если Вы способны улавливать чужие биотоки, то Вы – самый, что ни на есть, уникал. Тут и до телепатии недалеко. Объяснение ваших шумов, скорее всего, очень простое. В результате травмы у Вас в черепе образовалась небольшая трещинка. И именно она является корнем всех Ваших проблем. Каким образом? Поясню. Мозг – орган очень чувствительный. Когда рядом с Вами, например, кто-то разговаривает, происходят колебания воздуха, которые Вы не ощущаете, но которые через эту трещинку чувствует Ваш мозг. Вот Вам и кажется, что у Вас в голове и гудит, и трещит. Сейчас, когда я говорю, Вы слышите треск?

– Слышу, – признался я.

– Ну вот, видите. Не беспокойтесь, это все временно. Трещинка зарастет, и у Вас снова будет все в порядке.

– Ему делали рентген? – строго спросил невысокий пожилой врач в очках с позолоченной оправой, являвшийся, судя по всему, заведующим отделением.

– После поступления больного в бессознательном состоянии рентген был сделан сразу же, – отчиталась медсестра. – Каких-либо серьезных нарушений костного покрова не выявлено.

– Снимки после обхода мне на стол, – распорядился заведующим.

Медсестра послушно кивнула головой.

– Хорошо, Иван Иванович.

– А Вам, уважаемый, – обратился Иван Иванович уже ко мне, – я бы советовал без нужды лишний раз в коридор пока не выходить.

Предположение Дмитрия Вахтанговича о том, что в моем черепе образовалась трещина, меня, конечно, не обрадовало. Но, как это ни парадоксально, оно меня успокоило. Как-никак, а трещина – это все же вполне реальное объяснение моих проблем. Нужно только подождать, пока она зарастет, и в моей голове все сразу придет в норму. Никакого гула, никакого треска, причиняющих мне такой дискомфорт, я больше не услышу. Я усмехнулся. Надо же было с перепугу до такого додуматься. Чужие биотоки!

– Чего усмехаешься? – спросил Степан Тимофеевич.

– Да так, – ответил я. – Смешно стало, что едва себя радиоприемником не возомнил.

– А-а-а, – понимающе протянул Степан Тимофеевич, который, конечно, слышал мой разговор с врачами. – В жизни так часто бывает. Самые невероятные явления имеют, порой, самое банальное объяснение. Про Лох-Несское чудовище слышал?

– Это про древнего динозавра? Конечно, слышал, – ответил я.

– А разгадку знаешь?

Я отрицательно помотал головой. Честно говоря, я не был любителем таинственных историй про всяких призраков, чудовищ, НЛО, и тому подобное. Поэтому, никаких телепередач, посвященных им, я не смотрел, и никаких статей в газетах и журналах не читал.

– Обманом все это оказалось, – охотно разъяснил Степан Тимофеевич. – Нашлись в Шотландии несколько мошенников, которые решили завлечь туристов в свою глушь, и, соответственно, подзаработать денег. Сделали куклу, сфотографировали ее в воде, а затем разнесли по всему миру, что в озере Лох-Несс чудовище видели. Туристы толпами повалили. А мошенникам только того и надо. Денежки считали, и посмеивались.

Я улыбнулся. Объяснение, и впрямь, было оригинальным. Как говорится, нарочно не придумаешь.

– Или, вот, как американцы на Луне высаживались, – продолжал демонстрировать свою эрудицию Степан Тимофеевич. – Туфта это все. Ни на какой Луне они не были. Это уже доказано.

– Вот как? – удивился я. – А как же документальные кадры, где они по Луне гуляют?

– Брехня эти кадры. Их, на самом деле, снимали в Неваде, на секретном полигоне. А затем за съемки на Луне выдали. Только не все мелочи учли. Знаешь, на чем прокололись?

– На чем?

– На флаге. Помнишь, там астронавты флаг на поверхности закрепляли?

– Ну, помню.

– А ты обратил внимание, что он колышется, как будто на ветре? Откуда на Луне может быть ветер? Там же нет атмосферы. Там безвоздушное пространство.

Степан Тимофеевич взял в руки газету и принялся разгадывать кроссворд. Что-то, а разгадывать кроссворды он любил. Мария Петровна, приходившая навещать мужа практически ежедневно, всегда приносила ему целую пачку. Я же устроился на подушке, заложил руки за голову, закрыл глаза и решил просто подремать. Гул и треск в голове я по-прежнему ощущал, но уже не придавал этому серьезного значения. Мне ведь объяснили, что все это временно, и скоро пройдет.

Я лежал и думал о том, как хорошо, что утром того дня, когда на меня свалилась эта проклятая кран-балка, я, уходя на работу, выгнал своего кота на улицу. Теперь, по крайней мере, он не умрет с голоду. Покопается в помойке, авось и найдет себе что-нибудь поесть. Конечно, Маркизу будет неприятно после теплой квартиры некоторое время пожить на улице. Ну, что ж, потерпит. Его бездомные собратья всю жизнь живут на улице, и ничего. Живы, здоровы, не умирают.

Интересно, кому наша заведующая Татьяна Петровна поручила довести до конца расчет стоимости вала? Неужели Ирочке? Бедный вал! Уж она ему там насчитает. А может, Клавдии Трофимовне? Вот было бы забавно. Та же взбесится. Она уже давно привыкла только проверять. И как там Валерий Семенович? Нашел, через кого повернуть свою аферу, или нет?

Так я лежал, размышляя о том да сем, пока непрекращавшийся в моей голове треск снова не привлек мое внимание. Мне вдруг показалось, что он имеет некую стройность и осмысленность. Он то стихал, то возобновлялся, то усиливался, то слабел. В общем, вел себя, как радиоволна при неустойчивом приеме. И это при том, что в нашей палате стояла абсолютная тишина. Но ведь Дмитрий Вахтангович утверждал, что все шумы в моей голове возникают от звуковых колебаний, проникающих в мой мозг через трещину в черепе. Что же это такое получается? Степан Трофимович молчит. Из коридора тоже не доносится никаких разговоров. А шумы в моей голове не прекращаются. Может, Дмитрий Вахтангович все же неправ? И со мной, действительно, происходит что-то неподдающееся привычному объяснению.

Я сосредоточился и внимательно прислушался к треску в своей голове. Чем глубже я в него проникал, тем отчетливее он напоминал человеческую речь. Мне даже показалось, что я различаю отдельные слова. Вот те раз! А может, мой мозг, каким-то образом, и вправду стал принимать радиоволны? Слова становились все отчетливее и отчетливее. До меня явно доносились рассуждения какого-то человека.

Я повернул голову. Степан Тимофеевич сидел с задумчивым видом и хмурил лоб. Я еще больше напрягся, и вдруг услышал: «Род войск, шесть букв, третья «х». Шесть букв. Что же это может быть?».

– Пехота, – сказал я вслух.

Степан Тимофеевич вздрогнул и посмотрел на меня.

- Чего? – переспросил он.

- Ну, род войск из шести букв, третья «х». Пехота, – пояснил я.

Степан Тимофеевич растерянно посмотрел в кроссворд, потом опять на меня.

- Подходит, – изумленно сказал он. – А разве я что-то говорил?

- Я слышал, – ответил я.

- Странно. Увлекся, наверное, – пробормотал Степан Тимофеевич, и снова уткнулся в кроссворд.

Мое сердце заколотилось, как сумасшедшее. Неужели мне удалось прочесть мысли своего соседа по палате? Это было невероятно. Я никак не мог в это поверить. А может, все-таки, это случайность? Я решил попробовать еще раз. Сосредоточившись, я снова посмотрел на Степана Тимофеевича, который опять сидел в глубокой задумчивости, и нервно грыз кончик карандаша. «Сдельная зарплата за сверхплановую продукцию, начисляемая по возрастающим расценкам, – донеслось до меня. – Двенадцать букв. Первая «п». Премия? Нет, не подходит. Тогда что?».

Я знал ответ на этот вопрос. Но, чтобы не травмировать своего соседа по палате, произносить подсказку сразу не стал, и предварительно спросил.

- О чем Вы снова задумались, Степан Тимофеевич?

- Да вот, не могу никак сообразить, – откликнулся он. – Слушай. Сдельная зарплата за сверхплановую продукцию, начисляемая по возрастающим расценкам. Первая «п». Сразу говорю, «премия» не подходит. Здесь двенадцать букв.

- Прогрессивка, – сказал я.

– Точно, – обрадовался Степан Тимофеевич. – Конечно же, прогрессивка. Как же я сам не догадался. Ведь двадцать лет на заводе проработал. Вот что значит десять лет на пенсии. Все позабыл.

Степан Тимофеевич продолжил разгадывание кроссворда, а я поднялся с кровати и вышел в коридор. Неторопливая прогулка по коридору привела меня в бурный восторг. Мне удавалось узнать, о чем думает каждый, к кому я приближался. Старичок, сидевший на тахте с костылем в руке, и задумчиво глядевший перед собой, вспоминал свою молодость. Он прокручивал в мыслях какую-то давнюю вечеринку в парке культуры и отдыха, где он, совсем еще юный, танцевал в обнимку с белокурой девушкой под типичный вальс довоенных лет, и получал от этого огромное удовольствие. Шедший мне навстречу детина с царапиной на лбу и с загипсованной рукой, волновался, не найдет ли его супруга записку в тысячу рублей, которую он прятал от нее в зимнем ботинке, стоявшем в домашней кладовке. Сидевшая на посту медсестра, опершись головой о кулак, с удовольствием вспоминала прошедшую ночь. Воспоминания были очень интимными и очень личными. Мне стало совестно, и я постарался пройти мимо нее побыстрее. А вот мысли санитарки, мывшей в коридоре полы, мне не понравились. Они меня даже возмутили. Санитарка ждала, когда из процедурного кабинета выйдут две болтавшие о чем-то медсестры, чтобы, проникнув туда якобы для уборки, тайком отлить медицинский спирт в уже приготовленную стеклянную баночку из-под майонеза, которая лежала у нее в кармане халата. Во мне вдруг вспыхнул азарт защитника правопорядка, и я демонстративно уселся на тахте, стоявшей как раз напротив процедурной. Санитарка с недовольным видом покосилась на меня.

– Что ты здесь расселся? – проворчала она. – Ступай в свою палату и не мешай мне.

Я насмешливо посмотрел на санитарку и спокойно сказал:

– Где хочу, там и сижу. И я Вам не мешаю. А то, что Вы воруете спирт в процедурной, уже все отделение знает. Иван Иванович во время обхода лично просил нас за Вами присмотреть.

Санитарка густо покраснела.

– Ничего я не ворую, – пробормотала она.

– Конечно, Вы берете займы, – иронично заметил я. – А для чего Вам баночка из-под майонеза, которая лежит в кармане Вашего халата?

Санитарка открыла рот, но не смогла больше ничего сказать. Она со страхом посмотрела на меня и принялась быстро мыть полы, старательно поворачиваясь ко мне спиной.

Я был в восторге. В тот момент я, наверное, чувствовал себя самым счастливым человеком на земле. Неожиданно открывшаяся во мне способность читать чужие мысли давала мне в руки очень сильное оружие. Я впервые в жизни ощутил, что значит иметь превосходство над другими людьми. Я пока еще не знал, как распорядиться этим превосходством. Я пока не представлял, как оно может повлиять на мое более чем скромное положение в обществе, на материальное благополучие, и на многие другие факторы, составляющие мой образ жизни. Но в то мгновение у меня промелькнула мысль, что этот дар может дать мне все. Абсолютно все, чего я только пожелаю.

Мои приятные размышления прервал голос медсестры, раздавшийся с другого конца коридора:

– Воробье-е-ев!

Я поднял руку, давая понять, что я ее слышу.

– К завед. деления!

Я поднялся с тахты и направился в ее сторону, где располагался кабинет заведующего отделением.

Иван Иванович сидел за своим рабочим столом, и вместе с медсестрой, которая стояла с ним рядом, задумчиво разглядывал рентгеновский снимок. Кивком головы он предложил мне сесть на стул. Я сел. Иван Иванович снял очки и посмотрел на меня.

– Я внимательно изучил Ваш снимок, – сказал он. – Никаких нарушений костного покрова Вашей головы я на нем действительно не вижу. Поэтому, принимая во

внимание Ваши жалобы, я хочу Вас осмотреть. Люда,ними с него бинт. Только осторожно.

Медсестра подошла ко мне и принялась аккуратно разматывать повязку на моей голове. И тут вдруг до меня отчетливо донеслись мысли Ивана Ивановича. То, о чем он думал, меня просто поразило. Иван Иванович явно переживал вторую молодость. А может, даже уже и не вторую, а третью, четвертую, пятую. Он мысленно раздевал Люду, поочередно снимая с нее все детали одежды, и рисовал в своем воображении, как она будет выглядеть без нее. Вот вам и Иван Иванович! От кого-кого, а уж от него я такого не ожидал. Пожилой человек, убеленный сединой, казавшийся мне ярим поборником пуританских правил, на самом деле был не лишен некоторого легкомыслия. Что ж, верно говорят, седина в бороду – бес в ребро.

Я не смог сдержаться, и прыснул. Люда отстранилась и вопросительно посмотрела на меня.

– Щекотно, – объяснил я.

– Щекотки боитесь? Ай-яй-яй! – иронично покачала головой медсестра и продолжила снимать с меня бинт. Интересно, как бы она отреагировала, если бы узнала, что действительно меня рассмешило?

Закончив возиться с повязкой, Люда отошла в сторону, предоставив меня заботам заведующего отделением. Иван Иванович выбросил из головы свои эротические фантазии, подошел ко мне и принялся осторожно щупать мою голову. Надо отдать ему должное, он делал это со всей тщательностью и добросовестностью. Все его мысли теперь были направлены на изучение моего черепа.

– Если будет больно, даже чуть-чуть, обязательно скажите.

Должен признаться, что в тот момент меня охватила некоторая нерешительность. А стоит ли мне помогать Ивану Ивановичу искать эту трещину, если именно благодаря ей у меня появилась способность к телепатии? Что будет, если эта трещина зарастет? Смогу ли я после этого читать чужие мысли? Терять этот внезапно открывшийся дар мне не хотелось. Я уже успел почувствовать, какую он может принести мне пользу. Но что будет, если эту

трещину скрыть? Не приведет ли это к какому-нибудь серьезному осложнению?

Я метался в поисках верного решения, а Иван Иванович, тем временем, поочередно ощупывал все участки моей головы. Но все его нажимания и поглаживания мне никакой боли не причиняли. И только когда он дошел до здоровенной шишки, располагавшейся чуть ниже ко лбу от темени, я почувствовал дискомфорт и отстранился.

– Кроме этого места больше нигде не больно? – спросил Иван Иванович.

Я ответил, что нет. И это была чистая правда.

– Сейчас немного потерпите, – предупредил меня заведующим. – Я буду щупать очень осторожно.

И он стал исследовать мою шишку. Изучив ее миллиметр за миллиметром, он бросил медсестре:

– Заматывай.

Люда подошла, и стала аккуратно обматывать мою голову бинтом. Иван Иванович вернулся за свой стол.

– Никаких нарушений я не обнаружил, – сказал он. – Так что, живите спокойно. Все эти шумы, которые Вам слышатся, скорее всего происходят из-за разрывов в тканях Вашего мозга. Возможно, в результате сотрясения у Вас оказались повреждены какие-то кровеносные сосуды. Но это все пройдет. Поврежденные участки зарастут, кровоснабжение восстановится в полном объеме, и в Ваших ушах снова появится тишина. Девяносто девять процентов из ста, что услуги нейрохирурга Вам не понадобятся. Так что через неделю-две мы с Вами скорее всего попрощаемся. Однако про этот один процент забывать все же не стоит. Кто его знает? Поэтому, повторяю еще раз: если Вы почувствуете, что с Вами что-то не так, немедленно обращайтесь либо ко мне, либо к Дмитрию Вахтанговичу. Пока все. Можете идти.

Я поблагодарил Ивана Ивановича и вышел из кабинета.

«Правильно ли я поступил, что ничего ему не рассказал? – думал я. – Ведь появившиеся у меня телепатические способности как раз и относятся к разряду «что-то не так», о котором он упомянул. А если бы я все же про них рассказал, как бы он на это отреагировал? Воспринял бы всерьез, или тут же отправил бы меня в «психушку»? Допустим, он в это поверит. Что ждет меня в дальнейшем? Роль подопытного кролика в научных исследованиях? Ведь меня непременно станут изучать. Человек, получивший сильный удар по голове, вдруг начинает читать чужие мысли! Чем не тема для диссертации? Ученым обязательно захочется выяснить, почему такое произошло, и что изменилось в строении моего мозга. А меня категорически не привлекает становиться предметом исследований. Я хочу жить свободной жизнью. Интересно, были ли еще когда-нибудь подобные случаи? Что-то я о них не слышал».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/haprov_aleksey/telepat

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)